

УДК 343.1

О ЦЕННОСТИ «АРТЕФАКТНОЙ» ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

© 2016 г.

В.А. Середнев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамас

naganov1910@mail.ru

Поступила в редакцию 08.02.2016

Исследован вопрос, связанный с проблемой истины в уголовном процессе. Рассмотрено соотношение истины в уголовном процессе с целью и доказательственным фактом. Показывается, что истина, так же как и факты (на основе которых, например, базируется история), есть не что иное, как искусственная конструкция, созданная человеком и связанная с деятельностью человека и в интересах государства. Сделан вывод, что основным признаком истины в ходе уголовно-процессуального доказывания должна быть ее ценность для охраны и защиты интересов человека, общества и государства в борьбе с преступностью. Автор убежден, что истина должна являться не свойством действительности, а правовым требованием реальности.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, истина, цель, факт, конструкция, борьба с преступностью.

Вследствие отсутствия объективной и признаваемой истины мы вынуждены выбирать между авторитетом традиции и хаосом...

К.Р. Поппер

Апелляция к истине является не более чем риторическим украшением.

Пол Фейерабенд

Цель уголовного процесса

Прежде чем вести речь об истине применительно к уголовному судопроизводству, нам необходимо *уточнить*, зачем вообще существует уголовный процесс, какова его роль в социуме. Ибо «философы исследуют природу истины, или природу познания, однако они почти никогда не ставят вопрос о том, почему нужно стремиться к истине...» [1, с. 120]. И отметим сразу, что *в основном* речь будет идти не о правде или достоверности, а *об истине*, и очень хотелось, чтобы это было понято. Именно на понятие истины делается основной упор в данной работе.

Уголовное судопроизводство, согласно принципам, на котором оно основано, имеет свое назначение, указанное в ст. 6 УПК РФ. Поскольку в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует указание на его цели, думается, что цели должны выводиться из назначения уголовного процесса, которое содержится в ст. 6 УПК. В ранее действовавшем УПК РСФСР цель уголовного процесса также не содержалась в определенной норме, однако о целях уголовного процесса, которые были наиболее понятны, по сравнению с действующим УПК РФ, исходили из ст. 2

УПК «Задачи уголовного судопроизводства» и ст. 20 УПК «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела».

Кстати, говоря о цели уголовного процесса, необходимо заметить, что на сегодняшний день уголовное судопроизводство в РФ считается *якобы* состязательным (иногда говорят, что уголовное судопроизводство «смешанное», но вот принцип состязательности сторон в ст. 15 УПК РФ существует, а о каком-либо принципе «смешения» мы не знаем). Так как функции уголовного преследования, защиты и судебной власти (понятие власти в самом тривиальном значении, по нашему мнению, включает в себя способность человека, организации подчинять своим требованиям другого человека или какое-либо юридическое лицо. В настоящее время, исходя из роли функции суда, который обеспечивает исполнение другими субъектами уголовно-процессуальных отношений своих прав и обязанностей согласно статусу, возможно ли в полной мере говорить, что у суда имеется *полноценная функция власти*? Думается, вопрос остается открытым и подлежит исследованию процессуалистами) отделены друг от друга и не могут быть возложены на одно лицо или один и тот же государственный орган. Наше мнение, касающееся «состязательности» в уголовном

процессе, следующее: в сегодняшнем уголовном процессе на стадии именно предварительного расследования следователь является «сам себе хозяином», причем совмещает при этом сразу три процессуальные функции. *Во-первых*, функцию суда, так как «он чинит определения и постановления совершенного свойства» [1, с. 26]. По большому счету, когда говорят, что предъявление обвинения следователем по обстоятельствам совершения преступления и установления вины судом, это совсем разные вещи, мы с этим полностью не согласны. Все-таки и на стадии предварительного расследования, и на судебном следствии предъявление обвинения и установление вины судом лица есть не что иное, как констатация факта совершения лицом уголовно запрещенного деяния. Следователь также интерпретирует своим решением полученную по уголовному делу информацию в доказательства, «оценивает собранный материал, определяет свойства и характер улик, постановляет определения о привлечении в качестве обвиняемых» [1, с. 26]. *Во-вторых*, следователь на стадии предварительного расследования в определенной мере исполняет роль государственного обвинителя, так как собирает, проверяет, оценивает доказательства, которые изобличают лицо в совершении преступления. *В-третьих*, следователь во время проверки собранных доказательств сопоставляет их с другими полученными доказательствами, которые могут оправдать лицо в совершении преступления, опровергнуть версию следствия в виновности определенного лица в совершении преступления. Как метко указывал на данное обстоятельство В.П. Даневский, «с полным беспристрастием приводить в известность обстоятельства, обвиняемого оправдывающие» [1, с. 27]. Можно сказать, что следователь на предварительном расследовании совмещает в себе функции, которые нельзя совместить, если считать российский уголовный процесс состязательным. На основании этого мы считаем, что субъективно-законодательный принцип уголовного процесса «Состязательность сторон» (ст. 15 УПК РФ) по своей правовой природе является идеологемой, так как если состязательность и имеет место в определенном объеме на стадии судебного следствия, но не проходит через все стадии уголовного процесса, что является одним из основополагающих правовых требований принципа.

Создается такое впечатление, что ни законодатель, ни, тем более, правоприменитель не может определиться с целью уголовного процесса. Причина, с одной стороны, понятна и очевидна: функции уголовного преследования,

защиты и суда отделены друг от друга, эти функции подразумевают со всей очевидностью под собой решение разных задач, поэтому естественным образом указать единую цель в уголовном процессе представляется затруднительно. Но попробуем разобраться с этим вопросом.

Мы можем констатировать, что к любой цели (даже не только в уголовном процессе, а вообще в бытии человека) можно прийти решив определенную задачу (например, студенту, чтобы прийти к цели сдать экзамен, нужно решить задачу – ответить на вопросы экзаменационного билета). Как уже выше отмечено, поскольку задачи разные у органов обвинения, защиты и суда, то к единой цели прийти нельзя. *Но нужна ли единая цель?* В настоящее время мы должны попытаться «вычленив» цель уголовного процесса, выложив на интерпретационную решетку назначение уголовного процесса, которое содержится в ст. 6 УПК РФ. Для того чтобы нам было проще это сделать, для начала попробуем обратиться к мнению известных процессуалистов, к их пониманию цели уголовного процесса. Например, такой автор, как Н.Н. Полянский, указывал, что целью уголовного процесса является установление «права государства на наказание...» [2, с. 21], то есть осуществление карательного права государства посредством проведения в действие тех уголовных законов, которым это право определяется [3, с. 27]. В юридической литературе небезосновательно имеется мнение, что цель уголовного процесса – борьба с преступностью [4, с. 7]. Мэтр и корифей уголовного процесса М.С. Строгович считал, что целью уголовного процесса является установление истины [5, с. 95]. При этом истину нужно не только установить, но сделать ее механизмом для установления виновности лица в совершении преступления, а также оградить невиновное лицо от подозрений в причастности к преступлению, поэтому содержанием вышеуказанного механизма можно считать «осуществление карательной деятельности в каждом конкретном случае» [6, с. 6]. Существует также мнение, что цель уголовного процесса – это защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [7, с. 78]. И данная точка зрения тоже имеет под собой основание, и отрицать ее нельзя. Имеется точка зрения, что целью уголовного процесса является реализация уголовно-процессуальных норм, которые содержатся в законодательстве и регулируют общественные отношения в области уголовного судопроизводства [8, с. 13; 9, с. 12]. Но думается, не нужно резко оспаривать мнения уважаемых ученых, а объективно изложить свою точку зрения по

данному вопросу. Мы все-таки считаем, что *все вышеуказанные мнения ученых о целях уголовного судопроизводства, по своей сути, есть не что иное, как некий «симбиоз» механизма борьбы с преступностью*. Поскольку, например, защищать личность от незаконного и необоснованного обвинения возможно только вкупе с установлением лица, совершившего преступление, и, кстати, в рамках правового поля при реализации уголовно-процессуальных норм. Установление истины ведет нас в рамках борьбы с преступностью к установлению лица, совершившего преступление и т.д. Исходя из этого, можно заключить, что в уголовном процессе (как и в жизни человека вообще) не может существовать единой, одной цели. Должна существовать совокупность целей, из которых одна является доминирующей. В этом аспекте нам близка позиция А.С. Тагера, который указывал, что «уголовный процесс имеет множество целей» [10, с. 53].

Мы не ошибемся, если укажем, что цель уголовного процесса проходит через все его стадии. Цель всегда нужно рассматривать вместе с деятельностью, к цели возможно прийти только в процессе деятельности, решая поставленную задачу. Наше логическое мышление в процессе деятельности «указывает нам цели, которых мы должны достичь, а психология должна показать, как их достичь» [11, с. 227]. Более того, «цель связывает себя через средство с объективностью... для своего осуществления цель нуждается в средстве, так как она конечна» [12, с. 680]. Средствами достижения цели в уголовном процессе считается механизм производства следственных действий, с помощью которого имеется возможность получения уголовно-процессуальных доказательств. Данное средство достижения цели является внутренним средством обеспечения цели уголовного судопроизводства. Соответственно внешним средством обеспечения является внешнее правовое поле, представляющее собой судебный контроль и прокурорский надзор.

Поэтому, обращаясь к вышесказанному и говоря об исследовании цели, уместно вести речь о методе, который имеет сложную систему и называется «древо целей». Сущность этой системы заключается в том, что «древо состоит из целей нескольких уровней: генеральная цель, цель 1-го уровня (главные цели), цели 2-го уровня, цели 3-го уровня и так до необходимости уровня декомпозиции» [13, с. 167]. Поэтому мы полагаем, что генеральной целью в уголовном процессе является борьба с преступностью, которая естественным образом для своей реализации нуждается в целях низших уровней.

Кроме того, необходимо заметить, в ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» не содержится не только понятия цели, но даже его термина. Нет в сегодняшнем уголовно-процессуальном законодательстве ни слова об истине в уголовном процессе, что косвенно указывает на взаимосвязь этих двух категорий.

Истина и ее органическая связь с фактом

Цель и истина связаны между собой через «древо целей» в ходе реализации генеральной цели, направленной на борьбу с преступностью. Более того, чтобы вести речь об истине, необходимо рассмотреть, как она связана с фактом в уголовном процессе. Поэтому, прежде чем говорить об истине, в рамках небольшого исследования дадим оценку феномену факта, так как рассматривать этимологическое значение истины вне связи ее с фактом представляется большей ошибкой. Нужно указать, что факт лежит в основе всей теории доказательств. Из этого следует, что факты нужно рассматривать таким образом, чтобы на их основе приобретать определенные знания, которые необходимо использовать при заключении выводов в целях доказывания и установления истины по уголовному делу.

В настоящее время в науке имеется два основных подхода к понятию факта, ряд ученых толкуют факт как явление объективной реальности, которое имело место быть. «Происшествие, случай, событие, дело, быть, быть, данное, на коем можно основываться» [14, с. 531]. Например, еще Аристотель отождествлял истину с реальностью. По его мнению, *истинно то, что неизменно*, истина – высшая форма бытия. «В какой мере каждая вещь причастна бытию, в такой и истине» [15, с. 94]. То есть в этом случае мы можем говорить, что доказательство рассматривается, применительно к данному подходу, как сведение о факте. Мы же считаем, что факт необходимо рассматривать как конструкцию, созданную человеком в процессе субъективного осознания действительности. Обоснуем наше мнение анализом. Мы соглашались с теоретиками материализма, что «факт – это *фрагмент действительности*», и не оспариваем это мнение, это действительно так. Но ведь действительность – это симбиоз пространства и времени, который не подвластен полному осознанию человеком, именно поэтому человеческое сознание интерпретирует действительность в реальность. Мы также замечаем, что при уголовно-процессуальном доказывании используют не только «фрагменты действительности», но и сведения, содержащиеся, напри-

мер, в протоколах допроса, протоколах осмотра предметов и документов, протоколов обыска и выемки. Поэтому понимать факт как явление объективной действительности или как фрагмент действительности не совсем верно, с нашей точки зрения. Если использовать именно такой подход, то «факт представляется как образование чисто эмпирическое, объективное; “голая информация” о явлениях действительности, без всяких “субъективных примесей”». Хотя объективность как бы присуща факту; она не зависит от формы его существования, она как бы унаследована им от объективной реальности» [16, с. 376]. Но в структуру факта входит не только информация о действительности и способе получения этой информации, но и *интерпретация факта*. Мы считаем, что практически вся информация, которая минует интерпретационную решетку, является бесполезной. Как заметил в одной из бесед с нами профессор А.Г. Дугин, в современном аспекте «информация – это знания, лишённые смысла». Если провести такой опыт: показать какую-либо вещь, которую человек ранее не видел, а затем убрать ее из поля его зрения, сознание человека отразит информацию об увиденном предмете, но без интерпретации, без объяснения сущности данного предмета. Информация, которую получит человек, не будет иметь никакого смысла, она бесполезна. Мы убеждены, что факт должен рассматриваться не иначе как осознанное событие действительности. Только после осознания действительность переходит в субъективную реальность. Кроме того, «факт содержит немало случайного... интересует прежде всего общее, закономерное. Основой анализа является не просто единичный факт, а множество фактов, отражающих основную тенденцию» [17, с. 438]. Поэтому мы все-таки считаем, что факт представляет собой субъективное знание, которое выявляется путем интерпретации действительности с помощью человеческого априорного мышления в реальность. Под априорным мышлением следует понимать, что оно не врожденное, а именно приобретенное в жизнедеятельности. При восприятии какого-либо обстоятельства познание человека может являться припоминанием того, что человек знает, либо, более того, имеется некая *реминисценция*. Нам даже думается, что некоторые теоретики процессуального познания и познания вообще, возможно, отождествляют факты с предметами и вещами, но это неверно. Поэтому считаем необходимым указать следующее: «Факты есть то, что делает предложение истинным или ложным, т.е. сами факты как элементы реальности не могут быть недостоверными, не могут рассмат-

риваться с точки зрения их истинности – в отличие от нашего знания, основанного на фактах... Мир – совокупность фактов, но не вещей» [18, с. 20, 59].

Необходимо заметить, что после осознания факта происходит интерпретация его с помощью языка, которым описывается факт. Можно логически заключить, что от выбора языка естественным образом зависит характер интерпретации.

Говоря о языке, мы склонны даже предположить, что, возможно, не существует истории человечества как таковой, а есть лишь борьба интерпретаций. История, так же как и факт, есть некая конструкция, которая ориентирована на определенную идеологию, подкрепленная фундаментальными аспектами. В настоящее время существует термин «историал» [19], который означает определенную конструкцию истории. Кстати, не хочется вдаваться в политику, но очень удобный, хотя и тривиальный пример с событиями государственного переворота, имевшими место в феврале 2014 г. на Украине. Одно обстоятельство интерпретируется противоборствующими сторонами по-разному. Очевидно, чья сторона будет у власти, та и напишет «свою историю», историю, которая будет служить интересам действующей власти. Поэтому факт – это конструкция, это знания, полученные в результате субъективной деятельности человеческого мышления. В результате чего факт не должен рассматриваться как эвиденция, а только лишь как конструкция.

Истина как артефакт полезности для общества

1. В свое время И. Кант писал, что истина является не фактом, а артефактом [20], а от себя мы добавим, что не просто искусственно созданным объектом, а объектом, который следует рассматривать в аспекте культурных ценностей народа. Поэтому придерживаемся мнения, что только разум человека способен быть «окончательным критерием истины» [20, с. 105]. Более того, верно было замечено, что «истина есть то, что можно признавать или во что можно верить благодаря определенным правилам или критериям, относящимся к происхождению источника нашего знания, к его надежности или устойчивости, к его биологической полезности, к силе убежденности или неспособности мыслить иначе» [1, с. 376].

2. В начале наших рассуждений мы говорили, что цель имеет органическую связь с истиной в уголовном процессе. В большинстве своем истину в научной литературе определяют как «соответствие знания объекту. Истина – это адекватная информация об объекте, получаемая посредством

его чувственного или интеллектуального постижения...» [17, с. 419]. «Истина есть характеристика меры адекватности знания, постижения сути объекта субъектом» [17, с. 421]. То, что касается отношения истины и уголовного процесса, она понимается как точное соответствие выводов органов предварительного расследования, прокурора и суда, изложенных в приговоре или ином процессуальном решении, тому, что было в действительности [21, с. 59]. Поэтому вопрос установления истины всегда рассматривают в соответствии с законами теории познания. «Признание возможным познание объективного мира не дает ответа на вопрос о том, соответствуют ли представления человека об окружающей его реальной действительности самой реальной действительности» [22, с. 24]. Иначе говоря, наличные знания человека о действительности не могут быть полностью объективными, не зависящими от субъективного фактора восприятия. «Теория, утверждающая, что истина очевидна и каждый, кто хочет, может ее увидеть, лежит в основе почти всех разновидностей фанатизма... Однако теория проявления истины не только плодит фанатиков – людей, убежденных в том, что все, кто не видит очевидной истины, одержимы дьяволом, но способна приводить и к авторитаризму... Это обусловлено тем простым обстоятельством, что истина, как правило, вовсе не очевидна. Поэтому предлагаемая очевидная истина постоянно нуждается не только в интерпретации и утверждении, но и в переинтерпретации и переутверждении» [1, с. 24]. В классической философии, например Аристотеля, возможно говорить об объективной истине. Но о том, что касается неклассической теории познания, о том, что происходит в социальных коммуникативных системах при регулировании определенных общественных отношений, следует вести речь не об объективной классической истине, а о некой «согласованности» в обществе, нахождении общих точек соприкосновения, «солидарности» и «общепринятого правила поведения». Должны быть созданы необходимые условия, в которых будет существовать истина, которая есть необходимость. И, что немаловажно, «...условия истинности противостоят не лжи, а абсурду: тому, что существует без значения, или тому, что может быть ни истиной, ни ложью» [23, с. 26]. В психологии имеет место «тест Роршаха», который существует для исследования личности, он был опубликован в 1921 году швейцарским психиатром и психологом Германом Роршахом (известен также под названием «пятна Роршаха»). Сущность данного теста в том, что испытуемому предлагается дать интерпретацию «чернильных клякс», нанесенных на бумагу. При проведении теста испытуемый называет то, что он видит в

«чернильной кляксе», какие образы у него возникают или идеи. То есть если показывать разным субъектам одну и ту же «чернильную кляксу» на бумаге, то каждый субъект будет интерпретировать ее по-своему, видеть разные картинки в воображении. В человеческом бытии происходит то же самое: факт интерпретируют, и именно из интерпретируемого факта получается истина. Цель борьбы с преступностью должна являться составной частью уголовной политики государства, а уголовная политика – элементом политики государства вообще. Политика всегда связана с борьбой за власть на определенной территории, где проживает тот или иной народ. Любой народ имеет свою культуру, которую следует рассматривать как совокупность материальных и духовных ценностей народа, способность распоряжаться этими ценностями, приумножать их и передавать их последующим поколениям. При этом следует помнить, что культура имеет связи с определенной цивилизацией, однако не нужно отождествлять культуру и цивилизацию.

3. В настоящее время очень четко прослеживается то обстоятельство, что средства достижения цели и сама цель как-то не очень согласуются друг с другом, больше всего это видно в разрезе представления общества о нормах морали. В связи с этим необходимо согласиться с Г. Маркузе: «...между целями культуры и действительными средствами нет совпадения, и отношение между ними, как правило, далеко от гармонии» [24, с. 75]. Культура рассматривается нами как свобода, цивилизация – как необходимость. Соответственно, при возникновении необходимости «средства становятся независимыми от цели; они узурпируют ее роль...» [25, с. 247]. *То есть истина в уголовном процессе должна рассматриваться как необходимое знание об обстоятельствах совершения преступления, которое может стать механизмом для защиты развития общества, государства и личности от наиболее опасных внутренних посягательств со стороны членов этого же общества.* Говоря об истинности знания, следует заметить, что «отличие истинного знания от обыденного усматривается в том, что обыденное знание признает случайности, а истинное находит во всем проявление необходимости» [26, с. 26]. Поэтому, по нашему мнению, истина должна рассматриваться в уголовном процессе как необходимость для защиты общества и государства от преступных посягательств, для этого она должна стать артефактом, искусственно созданным объектом, содержание которого является необходимым для защиты незыблемости власти и эволюционно развивающегося общества. Поэтому «замена понятия “истинность” понятием “жизнеспособность” является принципиальным.

Целью познания является не объективность, а приспособление. «Полезным» является то знание, которое поддерживает жизнеспособность системы. Такова и «судебная истина» – она инструмент адаптации индивида и общества к окружающей среде» [27]. В связи с этим необходимо заметить, что если кто-то думает, что артефактная истина может чем-то оскорбить так называемую объективную истину, он ошибается. Ибо «речь об оскорблении во имя практических целей идеи истины, как высшей ценности этики и логики, может идти только тогда, когда человек действительно находится в известных отношениях к этой идее» [28, с. 201]. Поэтому необходимо заметить, что «необходимость вытекает из внутренней сущности вещи и определяется ее внутренними законами... Необходимость близка к понятию закона...» [26, с. 117].

На основании вышеизложенного мы, не отрицая научных подходов к учению об истине как абсолютной и относительной по содержанию, материальной (объективной) и формальной по характеру, категорически настаиваем на том, что **основной признак истины в уголовном процессе – ее полезность** для общественно-экономической формации, в которой на данный период времени существует уголовное судопроизводство. Очень верно замечает профессор А.В. Агутин: «...наличие истины в уголовно-процессуальном законодательстве вовсе не зависит от того, упоминается или нет слово “истина” в тексте УПК РФ... истина является такой же объективной (при всей ее субъективности) реальностью, как и текст действующего отечественного УПК» [29, с. 173]. А посему, думается, **нам не нужна истина в уголовном процессе, которая не будет приносить пользы (а еще хуже – приносить вред) общественным отношениям и не могущая быть средством обеспечения защиты государственного строя от преступных посягательств**¹. Как указывал О. Вейнинггер, «ложь карается уголовными законами, когда она проявляется в форме нарушения присяги, т.е. когда влечет за собой общественный вред» [28, с. 202]. И, наверное, нельзя не согласиться с выдающимся философом XX столетия Карлом Поппером, который указывал: «Нам не нужна просто истина, мы хотим иметь более глубокую и новую истину... Просто истины нам недостаточно, ибо, прежде всего, ищем *ответ на наши проблемы*» [30, с. 383]. Поэтому мы считаем, что истина и «корень» регулирования общественных отношений в уголовном судопроизводстве лежат во нравственности, ибо совесть есть скрываема истина. А нравственность, по нашему глубокому убеждению, есть основной механизм регулирования

права вообще. Но соотношение нравственности и истины – это уже другая «история» (конструкция), которая будет рассмотрена в следующей работе.

Примечание

1. Автор убежден, **что истина должна являться не свойством действительности, а правовым требованием реальности**. И этим требованием является полезность ее для общества, способность стать средством обеспечения борьбы с преступностью, на это ему указывает его личный опыт службы в должности оперуполномоченного уголовного розыска, а также следователя и старшего следователя СУ при УВД по г. Арзамасу Нижегородской области в период 1993–2010 гг. Возможно, на мотивационном уровне данное убеждение стало к нему придти еще в начале «лихих» 90-х годов XX века, когда он пришел на службу в МВД рядовым милиционером патрульно-постовой службы.

Список литературы

1. Даневский В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895. Репринтная копия, 2012.
2. Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса. Юридическая литература. М., начало XX в. Репринтная копия, 2011.
3. Полянский Н.Н. Общие теории уголовного процесса. М., 1927.
4. Советский уголовный процесс / Под ред. Д.С. Карева, 1953.
5. Строгович М.С. Принципы советского уголовного процесса. М., 1946.
6. Духовской М.В. Из лекций по уголовному процессу. М., 1895.
7. Химичева Г.П. Принципы уголовного производства // Уголовный процесс: Сб. пособий: в 3 вып. Вып. 1. М.: ИМЦ ГУК МВО России, 2002.
8. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916. Репринтная копия, 2010.
9. Качалов О.В. Понятие и задачи уголовного судопроизводства // В кн.: Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2003.
10. Тагер А.С. О предмете и пределах науки об уголовном суде // Право и жизнь. 1924. № 1.
11. Рассел Б. Исследование значения и истины / Пер. с англ. Е.Е. Ледникова, А.Л. Никифорова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
12. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 2005.
13. Мишин В.М. Исследование систем управления: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 167.
14. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. М., 1982. Т. 4.
15. Аристотель. Соч. Т. 1. М., 1975.
16. Уголовный процесс: Проблемные лекции / Под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013.
17. Спиркин А.Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2008.
18. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. В. Руднева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. С. 20, 59.

19. Корбен А. История исламской философии / Пер. с фр. А. Кузнецова. М.: Академический проект, 2013.
20. Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении? / Пер. с нем. Сочинения в 8 т. Т. 8. М., 1994.
21. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
22. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: Учебное пособие. М.: Издательский дом «Городец», 2008.
23. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический проект, 2011. С. 26.
24. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ: Астрель, 2011.
25. Фромм Э. Человек для себя / Пер. с англ. А.В. Александровой. М.: Астрель, 2012.
26. История и философия науки: Учеб. пособие. М.: Проспект, 2009.
27. Александров А.С. Новая теория доказательств. Сайт Международной ассоциации содействия правосудию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iuaj.net>. 2010.
28. Вейнинггер О. Пол и характер / Пер. с нем. В.О. Лихтенштадт. М.: Астрель, 2012. С. 201, 202.
29. Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании. Дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 173.
30. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 383.

**ON THE VALUE OF «ARTIFACT» TRUTH IN CRIMINAL PROCEEDINGS
(a philosophical aspect)**

V.A. Serednev

In this paper, we examine the problem of truth in criminal proceedings and consider the correlation of truth in criminal proceedings with the purpose and the evidentiary fact. The aim of the study is to show that the truth, as well as facts (including those on which history is based), is nothing but an artificial construct created by man and related to man's activities in the interest of the state. It is concluded that the main feature of truth in the course of proving in a criminal procedure should be its value for protecting man, society and the state in the fight against crime. The author argues that the truth must be a legal requirement of reality rather than a property of reality.

Keywords: criminal procedure, evidence, truth, aim, fact, construct, fight against crime.

References

1. Danevskij V.P. Nashe predvaritel'noe sledstvie, ego nedostatki i reforma. M., 1895. Reprintnaya kopiya, 2012.
2. Polyanskij N.N. Cel' ugovolnogo processa. Yuridicheskaya literatura. M., nachalo XX v. Reprintnaya kopiya, 2011.
3. Polyanskij N.N. Obshchie teorii ugovolnogo processa. M., 1927.
4. Sovetskij ugovolnyj process / Pod red. D.S. Kareva, 1953.
5. Strogovich M.S. Principy sovetskogo ugovolnogo processa. M., 1946.
6. Duhovskoj M.V. Iz lekcij po ugovolnomu processu. M., 1895.
7. Himicheva G.P. Principy ugovolnogo proizvodstva // Ugovolnyj process: Sb. posobij: v 3 vyp. Vyp. 1. M.: IMC GUK MVO Rossii, 2002.
8. Rozin N.N. Ugolovnoe sudoproizvodstvo. Petrograd, 1916. Reprintnaya kopiya, 2010.
9. Kachalov O.V. Ponyatie i zadachi ugovolnogo sudoproizvodstva // V kn.: Ugovolnyj process: Uchebnik dlya studentov yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov / Pod obshch. red. V.M. Lebedeva. M., 2003.
10. Tager A.S. O predmete i predelah nauki ob ugovolnom sude // Pravo i zhizn'. 1924. № 1.
11. Rassel B. Issledovanie znacheniya i istiny / Per. s angl. E.E. Lednikova, A.L. Nikiforova. M.: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi, 1999.
12. Gegel' G.V.F. Nauka logiki. SPb.: Nauka, 2005.
13. Mishin V.M. Issledovanie sistem upravleniya: Uchebnik dlya vuzov. M.: YuNITI-DANA, 2003. S. 167.
14. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' velikorussskogo yazyka. M., 1982. T. 4.
15. Aristotel'. Soch. T. 1. M., 1975.
16. Ugolovnyj process: Problemnye lekicii / Pod red. V.T. Tomina, I.A. Zinchenko. M.: Yurajt, 2013.
17. Spirkin A.G. Filosofiya: Uchebnik. 2-e izd. M.: Gardariki, 2008.
18. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat / Per. s nem. V. Rudneva. M.: Izd. dom «Territoriya budushchego», 2005. S. 20, 59.
19. Korben A. Istoriya islamskoj filosofii / Per. s fr. A. Kuznecova. M.: Akademicheskij proekt, 2013.
20. Kant I. Chto znachit orientirovat'sya v myshlenii? / Per. s nem. Sochineniya v 8 t. T. 8. M., 1994.
21. Gorskiy G.F., Kokorev L.D., Eh'l'kind P.S. Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe. Voronezh, 1978.
22. Ul'yanova L.T. Predmet dokazyvaniya i dokazatel'stva v ugovolnom processe Rossii: Uchebnoe posobie. M.: Izdatel'skij dom «Gorodec», 2008.
23. Delyoz Zh. Logika smysla / Per. s fr. Ya.I. Svirskogo. M.: Akademicheskij proekt, 2011. S. 26.
24. Markuze G. Kriticheskaya teoriya obshchestva: Izbrannye raboty po filosofii i social'noj kritike / Per. s angl. A.A. Yudina. M.: AST: Astrel', 2011.
25. Fromm Eh. Chelovek dlya sebya / Per. s angl. A.V. Aleksandrovoj. M.: Astrel', 2012.
26. Istoriya i filosofiya nauki: Ucheb. posobie. M.: Prospekt, 2009.
27. Aleksandrov A.S. Novaya teoriya dokazatel'stv. Sajt Mezhdunarodnoj associacii sodejstviya pravosudiyu [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://iuaj.net>. 2010.

28. Vejninger O. Pol i karakter / Per. s nem. V.O. Lihtenshtadt. M.: Astrel', 2012. S. 201, 202.
29. Agutin A.V. Mirovozzrencheskie idei v ugolovno-processual'nom dokazyvanii. Dis. ... dokt. yurid. nauk. N. Novgorod, 2005. S. 173.
30. Popper K.R. Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya. Per. s angl. M.: AST: AST MOSKVA, 2008. S. 383.